

Пазухин Алексей Михайлович

Так было суждено

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Так было суждено / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 130 с.

ISBN 978-5-521-27066-8

ISBN 978-5-521-27066-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шло, такъ что ему свою часть бросить пришлось, да къ дядѣ въ Питерь, въ родѣ прикащика, ѣхать, ну, я и отошелъ, а то житье важное было-съ, и по сейчасъ поминаю!

— Ничего, и у меня хорошо будетъ.... Со мной жить можно, только приноровиться нѣжно—горяченекъ я....

Парень улыбнулся.

— Говорили мнѣ-съ, какъ порядился къ вамъ. «И недѣли, говорятъ, не проживешь: крутъ больно Григорій-то Максимычъ!» Олначе, вотъ живу-съ....

Купецъ помолчалъ.

— У тебя сноровки много, знаешь, какъ подойти, за дѣло схватиться, а это-то самое первое дѣло и есть!.... Крутъ, крутъ!.... Будешь крутъ, какъ сотни двѣ осталоцовъ у тебя живетъ, одинъ другого норовистѣе! Помаялся съ ними, съ дьяволами, день-то деньской—по неволѣ осатанѣешь, да въ ухо иному дашь! Ангела изъ терпимости вывести, а не то што!... Ихъ не бить, чертей, такъ съѣдятъ тебя!

— Эфто вѣрно-съ.

— Ну, и лущишь съ плеча, и дуешь ихъ, а по привычкѣ, и дома-то злобствуешь, да рвешь, вотъ и крутъ... Хмѣльной я точно что крутенецъ, шутить въ тѣ поры со мной не нѣжно...

Купецъ выпилъ изъ походной бутылки глотка два рому.

Молодой парень посмотрѣлъ на него съ боку и малость самую вахмурился: глотки эти были далеко не первыми, брюнетъ ужъ начиналъ хмѣлѣть.

— Ты у Сатиня-то сколько получалъ?

— Четыре сотельныхъ въ годъ; я вѣдь у него почти за главного былъ....

— Ну, я тебѣ пять положу съ зимы, только живи хорошо.

— Благодаримъ покорно, Григорій Максимовичъ, заслужи-съ!

— Вечеръ мы луга у мужиковъ снимали, ты ловко орудовалъ: видно, что у тебя смѣтка есть, а мнѣ это и надо, потому я съ

ними самъ говорить не могу: задоръ меня беретъ и поровишь кому нибудь въ ухо заѣхать, а нѣтъ такъ и леворверомъ свистнешь! Пршшлое лѣто я одного парня такъ леворверомъ огрѣлъ, што на-силу отдыпался онъ!... Три сотельныхъ выпатилъ ему.... Подлый и народъ, чортъ ихъ обдери!

Купецъ опять глотнулъ изъ бутылки.

— Нѣтъ, вотъ тоже съ Сатянымъ мы.... заговорилъ было парень, но въ эту самую минуту, почти надъ самымъ ухомъ его, грянулъ выстрѣлъ и раскатился по лѣсу.

Купецъ вскрикнулъ даже отъ испуга, а буланка рванулся назадъ, взвился на дыбы и, порвавъ недоуздокъ, во весь опоръ поскакалъ изъ лѣсу, храпя и вскидывая задомъ.

Оба путешественники вскочили.

— Кой это дьяволъ пальнулъ тутъ? оглянулся купецъ, сверкая глазами и сжимая въ рукѣ бутылку съ ромомъ.

— Кто его знаетъ, оглашеннаго! проворчалъ парень, подбѣгая къ наклонившимуся на бокъ и чуть не упавшему тарантасику. Вишь, его угораздило, проклятаго, чтобъ ему лопнуть!.. Что теперь съ конемъ-то дѣлать? Ускачетъ онъ и не вѣсть куда!...

Въ это время изъ за кустовъ орѣшника вышелъ на полянку виновникъ переполоха. Это былъ худенькій старичекъ, съ сѣдыми баками, съ морщинистымъ лицомъ, одѣтый въ сѣрый суконный сюртукъ и въ бѣлые коломенковыя брюки, заправленныя за худенькіе сапоги; на головѣ у него была соломенная старинная фуражка, въ рукахъ плохенькое ружьецо. Такъ и накинудъ на охотника освирипѣвшій брюнеть.

— Ты што это, чортъ тебя задави, окаяннаго, стрѣляешь тутъ?... Убить, што-ли, насъ хотѣлъ, анаеема? Убійца ты, што-ли, какой? Разбойникъ!...

— Палить, дьяволъ, зря! Лошадь-то убѣгла теперь, убьется еще.... Эхъ ты, провалъ тебя возьми! закричалъ и парень. Шею тебѣ намать нужно, проклятому!...

— Лошадь-то вѣдь пятьсотъ цѣлковыхъ стоитъ, оголѣлый ты чортъ! свирѣпо прохрипѣлъ брюнетъ и со всего размаху ударилъ охотника бутылкой по виску.

— Ой! вскрикнулъ старикъ и схватился за голову.—Убили, Убили! слабо проговорилъ онъ и, покачнувшись, упалъ на траву обливаясь кровью.

— Григорій Максимычъ! Что вы надѣлали?... Батюшки мои, вѣдь вы убили его! отчаянно вскрикнулъ парень, подбѣгая къ старику, который конвульсивно хватался за орошенную кровью траву и хрипѣлъ, въ предсмертной агоніи.

Мрачно стоялъ брюнетъ надъ распростертымъ у его ногъ охотникомъ, и смертная блѣдность покрыло его лицо.

— Убилъ!... Господи, помилуй меня, окаяннаго!... Убилъ!... Убійца, злодѣй, прошепталъ онъ и наклонился надъ старикомъ.

— Сережа, голубчикъ, что онъ?... Господи!...

— Что, Григорій Максимычъ, плохо дѣло: скончался вѣдь старикъ-то!

Дико вскрикнулъ купецъ, и схвативши себя за волосы, упалъ головой на убитаго охотника.

Парень понурилъ голову и растерянно теребилъ часовую цѣпочку, пачкая ее еще теплой кровью убитаго старика, которая покрывала его атласный жилетъ и трясущіяся руки.

Купецъ истерически рыдалъ на тепломъ еще трупѣ своей жертвы.

II

Въ это же самое время и по той же Калужской дорогѣ ѣхалъ всадникъ на приземистой *низовой* лошаdkѣ. Бойкая выносила лошадка, покрытая пылью и изъ вороной казавшаяся сѣрой—легко шагала по пыли дороги и въ тактъ помахивала хвостомъ, не обращая большаго вниманія на оводовъ и только изрѣдко сердито

взглягивала на докучнаго врага, аппетитно впивагоса ей въ крупѣ. Всадникъ былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 23—4 средняго роста блондинъ, съ вьющимися свѣтло-русыми волосами, съ маленькой кудрявой бородкой и съ бойкими плутовскими глазами, которые такъ и сверкали изъ подъ тонкихъ, энергично сдвинутыхъ бровей. Стройный широкоплечій станъ всадника облегалась сѣрая поддевка изъ лѣтней матеріи; на ногахъ были надѣты высокіе сапоги, простроченные шелками и украшенные лаковыми широкими отворотами; кудрявую голову покрывала черная суконная фуражка съ лакированнымъ козырькомъ.

Ловко и крѣпко сидѣлъ всадникъ на казацкомъ сѣдлѣ и, бросивъ поводья, мурлыкалъ какую-то пѣсенку, похлестывая по сапогу нагайкой.

Когда раздался выстрѣлъ, всадникъ проѣхалъ уже то мѣсто, гдѣ расположились наши путешественники. Онъ слегка вздрогнулъ и оглянулся; конь его только повелъ ушами и покосился на лѣсъ.

— Экъ его! сказалъ всадникъ и поправился на сѣдлѣ. Въ это время по лѣсу раздался конскій топотъ, и буланый, испуганный выстрѣломъ, бѣшено вылетѣлъ на дѣрогу и, круто повернувшись, проскакалъ мимо самого всадника и понесся по дорогѣ къ Москвѣ, вздымая пыль.

— Напугался конь-то, убѣлъ, проговорилъ всадникъ, и подобралъ поводъ. Надо догнать, а то уйдетъ, дорогой конь-то..... Наклонился всадникъ къ передней лукѣ, махнулъ плетью, гикнулъ, и степной конь его вихремъ полетѣлъ въ догонку буланого, разстилаясь по дорогѣ.

Минутъ черезъ пять бѣшенной скачки всадникъ догналъ буланого и поскакалъ съ нимъ рядомъ, отѣсняя его къ лѣсу и, ставя своего степняка на перерѣзъ. Буланый смирѣно храпѣлъ, и на скаку подымался на дыбы, пытаясь смять всадника.

— Врешь, не уйдешь! вскрикнулъ всадникъ и ловко схватилъ горячаго коня за узду сильной желѣзной рукой. Бѣшено рванулся

буланый въ сторону, но всадникъ соскочилъ съ своего степнячка и, повиснувъ на поводѣ буланого, удержалъ его.

— Тсъ, тсъ!.... Тише, тише, шалишь! началъ онъ успокаивать трясущуюся лошадь и гладилъ ее по крутой, взмыленной шеѣ. Когда буланый успокоился, молодой человѣкъ оглянулся на своего степняка, очень покойно щиплющаго траву, и снявшаго ему; тотъ поднялъ голову, весело заржалъ и подошелъ къ хозяину.

— Откуда же ты, красавецъ, удралъ это? осматриваясь кругомъ, проговорилъ молодой человѣкъ, лаская буланого. Не иначе, какъ въ лѣсу кто нибудь жару переждалъ.... Пойдемъ хозяина искать!

Молодой человѣкъ окончательно умирилъ испуганнаго коня и пошелъ по опушкѣ, ведя его въ поводу; степнякъ шелъ сзади, срывая траву и пережевывая ее взнузданнымъ ртомъ.

Молодой человѣкъ прошелъ саженой двѣсти.

— Кой чортъ! проговорилъ онъ. Вѣдь выстрѣлъ-то раздался сію минуту, да и близко—что же не видать никого? Пора бы бѣжать, кажись, за лошадыю-то.... Ужь не въ лобъ-ли себѣ всадилъ пулю хозяинъ буланого коня? Чудно!... Пойдемъ, поищемъ....

Молодой человѣкъ опять пошелъ по опушкѣ.

— Эге? вотъ гдѣ слѣдъ въ лѣсѣ то, тутъ они свернули, тутъ, должно быть, и пайду кого....

Когда молодой человѣкъ, ведя въ поводу буланого и сопровождаемый своимъ степнякомъ, прошелъ лѣсомъ шаговъ сто, въ сторонѣ, за кустами орѣшника, послышался шепотъ.

Молодой человѣкъ остановился и сталъ прислушиваться.

— Что за чудеса такія! подумалъ онъ. Не придорожные ли развѣ молодцы ухлопали кого? Въ такомъ разѣ они и мнѣ спуска не дадутъ.... надо того, поопаситься!

Молодой человѣкъ вытащилъ изъ-за голенища сапога револьверъ и, осмотрѣвъ заряды, смѣло пошелъ на голосъ.

Убитый старикъ лежалъ все въ томъ-же положеніи, но ужъ по-

синѣлъ весь и похолодѣлъ. Черноватый кунаецъ мрачно стоялъ около него и зорко озирался по сторонамъ; молодой парень облокотился о тарантасъ и въ глубокомъ отчаяніи шепталъ: «убили старика то, ухлспали сердечнаго!... Куда теперь головы наши поспѣли?... Господи, Господи!... Не повиненъ я ни въ чемъ, а, глядишь, и и меня затаскають, да засудятъ, а вѣдь у меня жена, ребенокъ!... О, Господи, Господи!...

Когда всадникъ, поймавшій коня, раздвинувъ кусты, вышелъ на полянку и въ недоумѣніи остановился, увидавъ описанную сцену, брюнетъ безумно уставился на него и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Тебѣ чего нужно?... Ты что за человѣкъ? глухо спросилъ онъ. — Свидѣтель, доносчикъ!...

— И этого еще убейте! крикнулъ парень. — ума въ васъ нѣтъ!.. Родной, голубчикъ! обратился онъ къ молодому человѣку, — вызвали насъ на бѣды, помощи головы спасти, научи, какъ быть!.. Человѣка, вѣдь, хозяинъ-то убилъ!...

— Какъ человѣка убилъ?! За что?

— Ой, бѣда наша!... Пришли мы тутъ отдохнуть, жару переждать, чайникъ вскиятили... Сидимъ мы это, чай пьемъ, разговариваемъ... Вдругъ, братецъ мой, выстрѣлъ!... Испугались мы, потому очень ужъ громко пальнулъ-то онъ, а лошадь вотъ тутъ привязана была, оторвалась да бѣжать... Глядимъ, а онъ, сердешный, старичекъ то вотъ эфтотъ!...

Парень покосился на убитаго и глубоко вздохнулъ.

— Выходить изъ за кустиковъ; мы на него; ругать зачали, а хозяинъ какъ подскочилъ къ нему, да какъ свистнетъ его бутылкой плетеной по виску—онъ только ахнулъ, голубчикъ!.. Ой, бѣда наша, ой, гибель неминуемая!...

Во время разсказа парня, кунаецъ стоялъ, потупивъ голову, и шепталъ что-то подъ носъ.

— Плохо дѣло! проговорилъ молодой человѣкъ и подошелъ къ убитому, привзавъ сначала пойманную лошадь къ тарантасу.

— Э! воскликнул онъ,—да старикъ-то знакомый мнѣ...

— Что ты?! Кто онъ? вскрикнули и купецъ, и парень.

— Такъ, бобыль одинокій, изъ дворовыхъ прежнихъ; вотъ тутъ онъ, въ селѣ Панкратьевѣ проживалъ, а мы туда по дѣлу ѣздимъ.... Эхъ, старикъ, старикъ, попался, сердешный, на медвѣдя лютаго!.. За что ты ухлопалъ его, купецъ? Старикъ-то какой душевный былъ!... Хорошо, что не осталось у него ни роду, ни племени.... Вы то кто такіе? обратился молодой человѣкъ къ наряду.

— А это....

— Погоди! порывисто подошелъ купецъ къ разговаривающимъ.— Слушай, молодецъ, обратился онъ къ незнакомцу,—мой грѣхъ былъ, я и въ отвѣтъ за него на томъ свѣтѣ стану, я здѣсь молиться буду, добро творить, коли ты захочешь укрыть грѣхъ мой, не оонесешь на меня... Хочешь доносить—иди, обьявляй, а не хочешь, желаніе имѣешь пощадить человѣка—не пошто тебѣ и званіе мое знать!.. Вотъ тебѣ за молчанье отъ меня и поѣзжай съ Богомъ!..

Купецъ досталъ бумажничъ.

— Погоди, купецъ; денегъ я за такое дѣло не возьму—не подобаетъ это—а молчать, Богъ съ тобой, буду.... Замаливай свой грѣхъ, а деньги, што мнѣ хотѣлъ дать, лучше нищимъ раздай... Прощайте, Богъ съ вами.

Молодой человѣкъ пошелъ было къ своему степняку, но вернулся и подошелъ къ убитому.

Прости, сердешный, вѣчная тебѣ память, голубчику! проговорилъ онъ и перекрестившись поклонился до земли. Помни же, купецъ: много тебѣ добра надо дѣлать, чтобъ замолить грѣхъ свой: добраго ты человѣка, хорошаго человѣка убилъ!

Незнакомецъ сѣлъ на своего степняка и повернулъ его на дорогу.

— Погоди, молодецъ! остановилъ его купецъ. Не знаешь ты какъ зовутъ *его*?

— Кого?

— А вотъ... Старика-то, мной убитаго, какъ зовутъ? рѣзко крикнулъ купецъ.

— А! Звали его Степаномъ, а теперь ужъ никакъ не зовутъ!.. Молись за убиеннаго Степана, да добро дѣлай, не скупясь!... Прощайте!

Молодой человѣкъ крупной рысью выѣхалъ изъ лѣсу.

Когда уже было совершенно темно, изъ лѣсу выѣхала знакомая намъ телѣжка, запряженная буланымъ конемъ, и быстро покатила къ Москвѣ; не боялся ужъ, видно, теперь хозяинъ ея за цѣлость своей поклажи—не до все ему было!...

На томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ расположились наши путешественники на отдыхъ, теперь никого не было, а подъ густымъ кустомъ орѣшника, закиданный травой и проплогодными листьями, лежалъ старый охотникъ...

Ружье его было заброшено въ ручей, бѣдное платье на тепличкѣ сожжено, и не найти никому убійцу старика!...

Придетъ осень, опадутъ листья, посохнеть трава, и увидятъ люди убитаго охотника.

— Ухлопали тебя, скажутъ, злодѣи какіе-то! Польстились на одежку твою бѣдную, на ружьишко дрянное!

И похоронятъ старика.

«Будутъ пѣсни къ нему хороводныя

«Изъ села по зарѣ долетать;

«Будутъ нивы ему хлѣбородныя

«Безгрѣховные сны навѣвать...

III.

На Большой Ордынь, въ Грибоѣдовскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, живетъ купецъ Петръ Максимовичъ Сальниковъ, крупный торговецъ.

Петръ Максимовичъ слыветъ богачемъ, капиталистомъ; его обороты, которые онъ ведетъ вмѣстѣ съ холостымъ братомъ, доходятъ, говорятъ, до милліона, но и по его обстановкѣ, и по его жизни, этого незамѣтно: онъ живетъ скромно, даже сѣро, ничѣмъ не отличался отъ своихъ сосѣдей, небогатыхъ торговцевъ, и только щеголяя лошадьми, которые считаются лучшими во всемъ Замоскворѣчьи. Домъ у Сальникова большой, много въ немъ комнатъ; но эти комнаты, обставленныя старинной мебелью, со стѣнами, украшенными иконами, стоятъ закрытыми и открываются раза три, четыре въ годъ, а остальное время онъ довольствуется съ семействомъ пятью комнатами въ нижнемъ этажѣ, да небольшимъ флигелемъ на дворѣ, гдѣ помѣщается его контора и живутъ прикащики.

Громадный садъ при домѣ запущенъ; нѣтъ въ немъ ни изящныхъ бесѣдокъ, ни куртинъ, ни подстриженныхъ деревьевъ, какъ у другихъ богатыхъ купцовъ; но за то въ саду такое обиліе ягодъ — крыжевнику, малины, смородины, вишенъ, что ихъ хватаетъ на все семейство, и многочисленныя варенья и соленья готовятся на круглый годъ изъ своихъ ягодъ.

Рѣдко бываютъ гости у Сальникова, и узорчатая, окрашенная зеленой краской ворота, стоятъ постоянно закрытыми; громадныя окна съ зеркальными стеклами никогда почти не блещутъ огнями, и лишь только упадутъ сумерки, какъ домъ точно засыпаетъ, и тишина въ немъ и на обширномъ дворѣ нарушается только злобнымъ лаемъ двухъ, спущенныхъ по блоку, овчарокъ.

Петръ Максимовичъ, лѣтъ пять тому назадъ, овдовѣлъ, и жен-

ское хозяйство въ домѣ ведетъ его сестра, старая дѣвица, лѣтъ 40, Марья Максимовна, да дочь невѣста, Катя; эта сестра и дочь оставляютъ все семейство; братъ живетъ въ своемъ домѣ на Пятницкой улицѣ; живетъ холостымъ бобылемъ съ старухой-матерью.

Катя Сальникова, единственная наслѣдница всего движимаго и недвижимаго имущества, отца и холостяка дяди, считается невѣстой настолько заманчивой, что свахи чуть-ли ни каждый день по нѣскольку разъ бѣгаютъ на дворъ, предлагая свои услуги и переговаривая съ Марьей Максимовной, но до сихъ поръ уходятъ ни съ чѣмъ, къ великому неудовольствію жениховъ. Свахи, впрочемъ, ходятъ въ домъ «съ опаской», избѣгая встрѣчи съ самимъ Петромъ Максимовичемъ, который ихъ не долюбиваетъ и крѣпко шугаетъ.

Одинъ разъ, заставъ у сестры извѣстную всему Замоскворѣчью сваху *Лимониху*, Петръ Максимовичъ сурово оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и, не отвѣчая на ея почтительный поклонъ, спросилъ:

— Зачѣмъ Богъ принесъ? Какое такое дѣло до насъ у вашей милости?

— Побесѣдовать къ сестрицѣ вашей, золотой мой, пришла, къ Марьѣ Максимовнѣ забѣжала, про здоровьице провѣдать, на доченьку вашу, красавицу, глазкомъ взглянуть, благодѣтель, запѣла сваха.

— Мы здоровы, да и ты не докторъ—не пошто шлаться-то, пороги обивать!...

— Ай, золотой мой, неоцѣненный!... Вѣдь у меня мастерство знаешь какое—авось и пригожусь чѣмъ!

— Береги для другихъ, намъ не нужно!

И Петръ Максимычъ пошелъ.

— Вотъ что я тебя скажу, Передрыга Завариховна, остановился онъ въ дверяхъ,—ходить ты ходи, коли охота тебѣ есть, а только безъ сказокъ своихъ, а то пускать не велю! Слышишь? У Катерины моей есть женихъ, и другаго намъ не нужно. Такъ и скажи всѣмъ...